

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

T93

*Сборник издается при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 17-01-14068*

Ответственные редакторы:

д-р ист. наук, проф. Т. Г. Архипова, д-р ист. наук, проф. А. С. Сенин

1917 год: Государство. Власть. Территория : Доклады Международной научной конференции 25 октября 2017 г. / сост. и ред. Л. Д. Шаповалова ; предисл. А. С. Сенина. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – 398 с.

ISBN 978-5-8243-2207-1

В сборник включены доклады участников Международной научной конференции, проводившейся кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ 25 октября 2017 г. и посвященной 100-летию Русской революции. На конференции были представлены результаты исследований ведущих отечественных и зарубежных специалистов по различным аспектам Русской революции: общественно-политическим, государствоведческим, социальным, национальным, экономическим, военным и другим. В ней приняли участие сотрудники Института российской истории РАН, преподаватели университетов Российской Федерации, сотрудники федеральных архивов, а также зарубежные исследователи из Беларуси, Великобритании, Италии, Литвы, Польши, Таджикистана.

Доклады публикуются в авторской редакции.

*В оформлении обложки использованы фотографии из фондов
Российского государственного архива кинофотодокументов*

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2207-1

© Шаповалова Л. Д., сост. и ред., 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Кафедра истории государственных учреждений
и общественных организаций ИАИ РГГУ, 2017
© Издательство «Политическая энциклопедия»,
2017

SYMBOLIC STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE IMAGE OF POWER IN THE EARLY SOVIET SOCIETY

Mazur Lyudmila

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract

The article deals with the formation of the image of Soviet power in the 1917–1930s. The image of power carries a certain message aimed at the representation of the mission, the goals and ways to achieve them. It is formed by the government purposefully and includes symbols of statehood (coat of arms, motto, flag and anthem), institutions that identify the characteristics of the organization of power, its social support, personalities that symbolize power (leaders), the state myth, rituals and lieux de mémoire. Throughout the early Soviet period, the image of Soviet power changed many times, reflecting the dynamics of the authorities' views of themselves and society about power. Taking into account the structural-ideological burden, it is possible to distinguish three main variants of the image, successively replacing each other: revolutionary, people's and Party-state. The article reveals their structure and considers the factors of evolution.

Key words: symbols of power; Soviet power; early Soviet society; the image of Soviet power.

Образ власти – это система представлений власти о себе, а также те представления о власти, которые формируются в обществе. Он включает в себя: информацию о ее сущности, функциях, структуре, а также ожидания от власти определенных социально-политических действий [1, с. 169]. Образ должен транслировать узнаваемую информацию, обеспечивающую идентификацию власти и отличие ее от другой – прошлой или альтернативной.

Структура образа состоит из ряда элементов, обеспечивающих полноту его восприятия и влияния на общественное сознание. Это – государственные символы, отражающие миссию государства (герб, девиз, флаг, гимн); государственные институты, идентифицирующие организационно-государственные особенности власти (Советы, Красная Армия и пр.); социальную базу, на которую опирается власть и которая рассматривается в

качестве ее адепта (рабочий класс, крестьяне); персоналии, символизирующие власть в историко-временном и государственно-территориальном разрезе (вожди, лидеры); государственный миф (советский миф); ритуалы (государственные церемонии, праздники); места памяти (памятники, мемориалы, музеи, в том числе документы – конституция, декрет, декларация, манифест, которые несут особую знаковую нагрузку).

В практике конструирования образа советской власти отчетливо выделяются два этапа: стихийный (ноябрь 1917 – март 1918 г.), когда формирование образа шло хаотично и интуитивно, с опорой на агитационные приемы, сформировавшиеся в условиях подпольно-партийной работы. С апреля 1918 г., когда были созданы основные пропагандистские структуры, этот процесс становится более целенаправленным, организованным и контролируемым властью, постепенно подчиняя решению этой задачи не только пропагандистские структуры и СМИ, но и систему образования, литературу, искусство, кино.

На протяжении раннесоветской истории (1917–1930-е гг.) образ советской власти неоднократно менялся, сохраняя при этом некоторые общие черты, позволяющие его идентифицировать. Это – государственная символика, знаковые институции и ритуалы. Всего с учетом периодизации раннесоветского общества можно выделить революционный, народный и партийно-государственный образы власти, которые последовательно сменяли друг друга, отражая изменения в идеологии и политике государства.

Революционный образ советской власти в 1917–1922 гг. характеризуется тем, что его структуру определяли символы революции, большинство из которых (красный флаг, революционные песни, эмблема «серп и молот», места памяти) были порождены событиями 1917 г. [2] и использованы большевиками для конструирования образа новой власти. В этом отразилась преемственность демократического и пролетарского/большевистского этапа революции.

Отбор государственных символов новой власти строился на противопоставлении с прошлым: во-первых, с символами царской власти и, во-вторых, Временного правительства: Марсельеза заменяется Интернационалом; триколор – красным флагом; двуглавый орел – новым гербом с изображением серпа и молота. Среди государственных институций основным идентификатором новой власти стали Советы и Красная армия.

Персонафикация новой власти была еще не завершена. Утвердившаяся в ходе революционных событий и Гражданской войны советская власть для простого человека была достаточно абстрактна и не идентифицировалась с каким-то одним человеком, как это происходит позднее. В средствах массовой информации использовалось понятие «вожди». Письма рабочих и крестьян, обращенные к новой власти, свидетельствуют о том, что в их сознании отсутствовала ассоциация власти с отдельным человеком. Только к 1922 г. складывается культ Ленина как вождя революции и безусловного лидера советского государства [3].

Народ как символ нового государства был представлен тремя основными фигурами – рабочий, крестьянин и солдат; представители других социальных групп ассоциировались с прошлым и рассматривались как «враждебные».

Революционный миф еще не сложился, и он был скорее связан с утопией – идеей будущего, во имя чего лилась кровь и приносились жертвы.

Уже в ходе Революции 1917 г. начинается формирование новых мест памяти, среди которых особое место заняли захоронения героев революции. Советская власть продолжила эту практику. 12 апреля 1918 г. был принят Декрет, в котором была сформулирована задача уничтожения царских памятников и создания новых [4]. К 1 мая 1918 г. было предложено убрать наиболее «уродливые» скульптуры и поставить модели новых; украсить улицы к празднику символами революции – флагами, лозунгами, а также переименовать улицы, заменить надписи и гербы новыми, отражающими идеи и чувства революционной России.

Формирование ритуальной стороны советской власти на раннем этапе ее существования было связано не только с конструированием новой праздничной массовой культуры, но и с созданием государственного церемониала, в частности с введением торжественного обещания воинов Красной Армии, которое начиналось словами. «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской Армии...» [5].

Особенностью революционного образа власти стало использование новых видов документов. К ним относятся прежде всего декреты, которые презентовали первые мероприятия советской власти и документировали советские законодательные практики на протяжении всего революционного периода и позднее. Декреты выполняли не только законодательные

функции, а выступали как средство информирования, агитации и пропаганды, управления и мотивации, формируя новую правовую среду, государственную систему, а также социальную структуру общества. Среди них особо выделяются те, которые были непосредственно связаны с регламентацией оформления документов и отражали восприятие их как инструмента власти, закладывая основы новой бюрократической системы [6].

Образ советской власти, формируемый на революционной стадии, характеризуется стихийностью и неполнотой, которая частично компенсировалась эмоциональностью и жесткой дихотомией «свой/чужой», символизировавшей раскол общества на два враждебных лагеря – защитников и противников революции, носителей «добра» и «зла».

Народный образ советской власти в 1923–1929 гг. формируется в условиях нэпа и послевоенного восстановления, транслируя новые установки государства. Окончание Гражданской войны способствовало смягчению образа власти, он теряет свою агрессивность. На первый план выходят символы мирного труда, международного братства, ожидания мировой революции.

В результате активного процесса персонификации образа власти и соотнесения его с именем Ленина уже к 1924 г. сложилась иконография вождя и связанные с ней мифологемы, которые после смерти Ленина окончательно утвердились в сознании и психологии простых людей. В зависимости от ситуации и возраста читателя/зрителя/слушателя, которого знакомили с именем В. И. Ленина, выделялись основные варианты его иконографии: вождь мирового пролетариата; лидер партии большевиков; пламенный революционер; борец за освобождение рабочего класса; государственный деятель и политический лидер; «самый человечный человек».

В Конституции 1924 г. были утверждены новые государственные символы власти (флаг, герб), отражающие новые масштабы государства – СССР. Они вобрали все предшествующие знаки (серп и молот, звезду), но в обновленной цветовой гамме, где преобладали красный и золотой цвета. В народном образе сохраняется основной символ государственности – Советы, но уже не как классовый институт – представитель интересов эксплуатируемого народа, а народный орган власти. Расширилось и само понятие «народ», которое включало новые смыслы, добавляя к идее классов представления о разнообразии и единстве.

Во второй половине 1920-х гг. оформляется революционный миф, во многом благодаря кинематографу. Особая роль в

этом процессе отводится кинематографу, в частности трилогии С. Эйзенштейна («Стачка», 1924; «Броненосец “Потемкин”», 1925; «Октябрь», 1927), которая создала не только образный ряд революции как народной стихии, но оживила события революции, переместив их из прошлого в пространство легенды.

В 1920-е гг. окончательно складывается система революционных праздников, вытесняя постепенно религиозные [7]. Государственный церемониал расширяется за счет таких событий, как выборы в Советы, которые рассматриваются не как частное мероприятие, связанное с реализацией гражданских прав, а как общественная обязанность. Ритуализируются партийные, комсомольские, пионерские практики, особенно связанные с инициацией молодежи, приобщением ее к «борьбе» за строительство с

Народный образ советской власти, созданный в 1920-е гг., был переходным от образа, наполненного стихией революции, протестом, утопическими представлениями о будущем, к образу сильного государства, могущество которого опиралось на «единство» народа и Коммунистической партии, а также «мудрость и волю» вождя. Вместе с нэпом уходят в прошлое представления о народе как хозяине страны, горизонтальная модель власти замещается вертикальной иерархической моделью, и это находит отражение в новых символах власти.

Партийно-государственный образ власти в 1930-е гг. Образ власти, формирующийся в условиях культа личности в 1930-е гг., носит ярко выраженный персонифицированный характер: рядом с культом личности умершего вождя создается культ вождя живого – И. Сталина – «верного товарища по партии», «истинного коммуниста», «отца народов». Он в значительной степени поглощает и присваивает другие символы власти, в том числе советские институции, выдвигая на первый план идею партии как проводника идей Ленина и вождя как мессии.

Народ в новой структуре образа власти выглядит единым, не расколотым на антагонистические классы. Его состав определяет триединство рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, то есть отражает не столько классовое, сколько социально-профессиональное единение. Цена за единство – постоянная борьба со скрытым врагом и страх перед угрозой разрушения государства извне, поддерживающие репрессивную политику власти.

Специфическим символом этого времени выступает Конституция 1936 г., декларировавшая создание социалистиче-

ского общества и даровавшая народу гражданские права и свободы. Принятая в условиях нарастания репрессий и бесправия, Конституция маскировала тоталитарный характер советского общества, одновременно формируя в сознании масс параллельную реальность осуществленной мечты, в которую хотелось верить.

В 1930-е гг. завершается процесс создания советской мифологии, включавшей революционный (миф сотворения), космогонический (миф об исторической неизбежности коммунизма), миф о золотом веке – обществе будущего, героический и мессианский миф, а также эсхатологические представления, обращенные на буржуазный мир и дореволюционное прошлое.

Система государственных революционных праздников была дополнена семейными, профессиональными (день Красной армии, день матери и пр.) и бытовыми праздниками. Таким образом, к концу 1930-х гг. образ советской власти приобрел завершенность и полноту, обеспечивая глубину и силу воздействия на общество и во вне – на другие государства.

Подводя итоги, можно констатировать, что образ власти несет определенный информационный посыл, направленный на репрезентацию своей миссии, целей и способов их достижения. Особенностью изучаемого периода является нестандартная ситуация. Захватив власть и оказавшись, неожиданно для себя, во главе огромной разоренной войной и взбудораженной революцией страны, большевики вынуждены были решать множество проблем – от формирования новой государственности, ее защиты и укрепления в условиях разгорающейся Гражданской войны до задач социальной революции, направленных на создание коммунистического общества. Эти две цели – защита социалистического отечества и строительство социализма – определяли внутреннюю и внешнюю политику на всем протяжении истории советского государства в 1917–1930-е гг. Они задавали основной тренд формирования образа власти.

Примечания

1. Романович Н. А. Образ власти как отражение российской политической культуры. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1.

2. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.

3. Шалаева Н. В. Персонификация образа власти в советской политической культуре 1920-х гг. // *Власть*. 2014. № 2. С. 179–183.

4. Декрет о памятниках республики от 12 апреля 1918 г. // *Декреты советской власти*: в 15 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959.

5. Формула торжественного обещания воинов Рабоче-Крестьянской Красной армии // Там же.

6. Постановление о форме бланков государственных учреждений от 2 марта 1918 года // Там же. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957.

7. Шалаева Н. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации // *Власть*. 2013. № 1.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ: РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ (1917–2017 гг.)

А. Н. Медушевский

*Национальный исследовательский университет –
«Высшая школа экономики»*

Аннотация

Переосмысление советской легитимности имеет принципиальное значение для осуществления полноценной федеративной реформы в современной России. Для того чтобы понять советский федерализм 1917–2017 гг. как целостную систему, в статье восстанавливается логика отношений идеологических императивов, номинальных конституционных норм и механизма принятия решений в таких жизненно важных областях – как отношения Центр–периферия, критериев конструирования иерархии субъектов федерации, их взаимоотношений в системе управления. Реконструируя систему советского федерализма, автор подчеркнул решающую роль национальных автономий в качестве противовеса советским федеративным республикам и инструмента, успешно использовавшегося центральной властью для поддержания всего баланса. Эта роль поставила национальные автономии в центр советского федеративного регулирования, потенциально превращая их в движущую силу дезинтеграционных процессов в позднесоветской и постсоветской России.